

18+

ПОЖ- МЕДЬЕ

ГОДОВОКРУЖИТЕЛЬНАЯ ОХОТА ЗА
ПОЛЕЗНЫМИ, В КОТОРОЙ САМИ
ОТВЕТСТВЕННЫ ЗА ЛЕКАРСТВО

ШОНЕССИ БИШОП-СТОЛ

Шонесси Бишоп-Столл

**Похмелье. Головокружительная
охота за лекарством от болезни,
в которой виноваты мы сами**

«Individuum»

2018

УДК 77.563.4
ББК 71.46

Бишоп-Столл Ш.

Похмелье. Головокружительная охота за лекарством от болезни, в которой виноваты мы сами / Ш. Бишоп-Столл — «Individuum», 2018

ISBN 978-5-6044959-3-3

Кто сталкивался с похмельем, знает: редко человек чувствует себя столь одиноко, скверно и ничтожно. Что может помочь? Витаминные инъекции? Гоголь-моголь? Опохмел? Шоковая терапия? В поисках идеального лекарства Шонесси Бишоп-Столл испытал всё и даже переусердствовал. Вирази в боевом самолете, прыжок с небоскреба, заплыв моржей, визит к жрице вуду... Его исследование охватило десятки стран и все возможные способы поставить себя на ноги. Книгу, оплаченную здоровьем автора, дополняет культурная и медицинская история похмелья и попыток с ним справиться. Из самого длинного естествоиспытательского запоя, которое только видело человечество, Бишоп-Столл вынырнул не только с остроумной книгой о том, что беспокоит столь многих, но и с собственным рецептом, призванным избавить страждущих от мучений.

УДК 77.563.4

ББК 71.46

ISBN 978-5-6044959-3-3

© Бишоп-Столл Ш., 2018

© Individuum, 2018

Содержание

Спойлер, предупреждение и признание	7
Предисловие	8
Добро пожаловать в похмелье	11
Часть первая	14
Первый перерыв	27
Часть вторая	30
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Шонесси Бишоп-Столл

Похмелье

Головокружительная охота за лекарством от болезни, в которой виноваты мы сами

*Бренди Бобу Столлу,
Кто жил так рьяно,
Что путь к могиле проскакал
Без остановки на похмелье,
Хотя и много выпивал.*

Shaughnessy Bishop-Stall
Hungover. The Morning After, and One Man's Quest for a Cure

* * *

Copyright © Shaughnessy Bishop-Stall 2018
By arrangement with Transatlantic Literary Agency Inc.
© ООО «Индивидуум Принт», 2021

* * *

Спойлер, предупреждение и признание

На написание этой книги ушло почти десять лет. И я все еще жив. Это спойлер.

Теперь – предупреждение: тема оказалась куда богаче, чем я представлял. Хотя моим изначальным намерением было охватить весь мир, рассказ в основном ведется о странах, которые мы привыкли называть Западом. Надеюсь, однажды – когда я как следует поправлю здоровье – я глубже изучу Россию, Азию и Африку и продвинусь дальше на юг, в Южную Америку например.

И наконец, признание: за последние несколько лет я посетил слишком много городов и слишком много стран и выпил слишком много всего – в компании барменов, предпринимателей и пивоваров, виноделов, выпивох и ворчунов, самогонщиков, врачей и знахарей, а также людей, с которыми пить не стоило. Я попробовал все виды настоек, тоников, порошков, таблеток, пустышек, кореньев, листьев, коры, лечебных препаратов и процедур, которые мог проверить легально, и некоторые другие. И хотя все события, описанные на этих страницах, происходили в действительности (а я голову расшиб ради проверки фактов), изложены они иногда не в хронологическом порядке. Впрочем, несмотря на все мои старания, после ночи неизбежно наступало тяжелое утро нового дня.

Предисловие

Пара слов о паре слов

Любая история начинается с названия – если у нее, конечно, есть название. В нашем случае уже на этапе названия возник спор – по крайней мере, с моим редактором, который настаивает на том, что оно пишется через дефис (*Hung-over*), и моим отцом, который убежден, что это два слова (*Hung Over*). Но как по мне, один из них пьет чертовски много, а другой – недостаточно. Да и вообще: это *моя* книга, поэтому в ней будет слово *hangover* – а также «адски» и «чертовски».

*Hungover*¹ – это наречие, образованное от существительного *hangover* (похмелье), не путать с *хмелем* – разницу хорошо объясняет Ричард Линклейтер в фильме «Школа рока» (2003):

ДЬЮИ ФИНН (Джек Блэк): Окей. Давайте начистоту. У меня похмелье. Кто знает, что это значит?

МАЛЬЧИК: Это значит, что вы пьяный?

ДЬЮИ ФИНН: Нет. Это значит, что я был пьян вчера.

Или, как писал Клемент Фрейд², племянник Зигмунда: «Быть пьяным – значит слишком много выпить. Похмелье же наступает, когда одна ваша часть достаточно протрезвела, чтобы осознать, насколько другая часть все еще пьяна».

Но так или иначе вы всё это знали наверняка – хотя могли не знать в точности, что значит этимологически новое слово «похмелье» (*hangover*)³. В начале XX века его даже не существовало. Про того, кто вчера был пьян, говорили, что он «хандрит», «отходит» или просто ужасно себя чувствует. Это одно из самых молодых слов в английском языке, но за какую-то сотню лет после появления на свет оно стало незаменимым для описания состояния куда более древнего, чем язык.

Люди напивались испокон веков. В бронзовый век, железный век и в эпоху джаза; рушились империи, бушевали войны, целые цивилизации были обращены в рабство – и всё из-за похмелья. Однако, углубляясь в тему, вы скорее всего столкнетесь с тем, что углубляться особенно некуда. Будь то проспиртованный «Беовульф», винноцветная «Илиада» или тысяча пьяных арабских всадников – как пишет Барбара Холланд в книге «Радость питья» («*The Joy of Drinking*»): «Ни в одной дискуссии о подвигах Геракла не упоминается похмелье: у наших предков даже слова такого не было».

В своем обширном сборнике сочинений о пьянстве с метким названием «Книга бухла» («*The Booze Book*») Ральф Шёнштейн описывает эссе Кингсли Эмиса «О похмелье» («*On Hangovers*») двумя короткими фразами: «Литературы о похмелье мало. По сути, это все, что мне удалось найти».

Складывается впечатление, будто похмелья вовсе не существовало, пока не появилось судьбоносное слово для его обозначения. Или же оно было настолько повсеместным, что писать о нем казалось излишним – как упоминать, что персонаж дышит, когда говорит. Впрочем, не только поэты и историки по какой-то причине игнорировали похмелье на протяжении всей истории. Точно так же поступали и профи в белых халатах.

---

¹ Оригинальное название книги – «*Hungover: The Morning After and One Man's Quest for the Cure*». – *Здесь и далее, если не указано иное, примечания редактора.*

² Клемент Фрейд – британский детский писатель, ресторатор, радиоведущий, политический деятель. – *Прим. пер.*

³ Разумеется, в русском языке слово «похмелье» не является новым; более молодым аналогом слова *hangover* можно считать «бодун», который получил знакомое нам сегодня значение в XX веке.

Государства не предпринимали практически никаких усилий, чтобы рассмотреть похмелье как официальный медицинский диагноз, хотя это одно из самых распространенных и сложнoустроенных заболеваний, известных человеку. Объясняется это тем, что в такой хвори виноват только сам больной. И хотя это, возможно, правда – «сам виноват» и тому подобное, – надо думать, что даже светилам медицины при всем их моральном превосходстве доводилось напиваться до потери человеческого достоинства, а потому за прошедшие тысячи лет они вполне могли заняться проблемой. Но сегодня на нее обращают внимание не столько врачи, сколько предприниматели: они выжимают экстракт из виноградных косточек, чистят гуаву, мульчируют опунцию, чтобы потом разлить все это по бутылочкам и выставить шеренгами на полках круглосуточных магазинов и у касс, словно крошечных солдатиков, вселяющих надежду в покупателей. Остается только догадываться, чем все это закончится, – как и наши искания.

Итак, перейдем к следующей части названия. На *охоту*, к сожалению или к счастью, пришлось отправиться именно мне, а вот к чему она приведет – все еще не ясно. Она включает в себя реальные, фундаментальные исследования: беседы с умнейшими людьми, тщательное изыскание научной стороны вопроса, сбор актуальной информации, изучение химии и тому подобного – с целью понять, что все это значит. Но еще больше результаты зависят от «практической части» исследований – и вот тут все не так однозначно.

От равнин Вегаса и Амстердама до гор Шотландии и Колорадо; от моржевания в Канаде до альпийских спа-комплексов; от первого в мире Научно-исследовательского института по изучению похмелья до хостела «Похмельная лечебница» на Октоберфесте; от храма вуду в Новом Орлеане до лондонской конторы врача, утверждающего, что он синтезировал аналог алкоголя; от тех, кто пытается найти заветное снадобье, до тех, кто якобы его уже нашел, – как охота, так и книга не дойдут до настоящего финала, пока я не найду лучшее лекарство от похмелья.

На моем столе, рядом с почти пустой бутылкой (здесь могла бы быть реклама моего спонсора), высится гигантская стопка маленьких книг; большинство из них почему-то квадратной формы и опубликованы в последние десять лет: «*Лекарство от похмелья*», «*Единственное лекарство от похмелья*», «*Главное лекарство от похмелья*», «*Излечись от похмелья*», «*Излечись от своего похмелья*», «*Как излечиться от похмелья!*», «*Как избавиться от головной боли и излечиться от похмелья*», «*Средства от похмелья*», «*Средства от похмелья (Чудодейственные соки)*», «*Натуральные средства от похмелья*», «*Настоящие средства от похмелья*», «*Лекарства от похмелья с похмелья*», «*10 способов быстро победить похмелье*», «*Похмельное руководство: 15 натуральных средств*», «*40 средств от похмелья*», «*50 способов вылечить от похмелья*», «*Лечение похмелья (52 способа)*», «*Руководство при похмелье: 101 средство от самой древней болезни*», «*Лучшие в мире средства от похмелья*» и «*Маленькая книга средств от похмелья*». И все-таки ни одна из этих книг, насколько я вижу, не стала новым словом в литературе о похмелье, не говоря уже о том, чтобы предложить единственное, настоящее *Лекарство*.

Терапия – возможно. Бальзамы, смягчающие и тонизирующие средства, опохмел, разные советы и, конечно, тысяча молитв – но где же то самое, истинное лекарство? Если бы оно существовало, я бы сейчас допивал уже вторую бутылку – и писал совсем другую книгу.

К чему я это все: когда дело касается похмелья, люди, в том числе и в книгах, имеют тенденцию слишком легкомысленно использовать слово «*лекарство*». Поэтому я постараюсь держать в голове один трюизм; его часто приписывают – в разнообразных значимых публикациях – величайшему автору книг о похмелье, сэру Кингсли Эмису. При этом никто, насколько можно судить, – ни его официальный биограф, ни даже знаменитый сын-романист – не смог определить точный источник этой крылатой фразы:

«*Как и поиски бога, с которыми их многое роднит, поиски безупречного и быстродействующего лекарства от похмелья не закончатся никогда*».

Итак, кто бы это ни сказал, он поставил перед нами адский вызов – но и черт с ним: кто не рискует, тот не пьет шампанского.

Кстати, пора бы и налить...

Добро пожаловать в похмелье

Вы выныриваете из сна о пустынях и демонах в полусознательное состояние. Во рту песок. Голос зовет издалека, будто из той самой мутной пустыни. Он молит дать воды. Вы пытаетесь пошевелиться, но не получается.

Этот голос усиливается, как и боль в вашей голове. Головная боль... Нет, о нет, она становится ужасной, она растет. Как будто мозги распухли и давят на череп, выталкивая глаза из орбит. Дрожащими руками вы придерживаете голову, чтобы череп не раскололся надвое...

Но на самом деле ваш мозг не увеличивается, напротив – он резко сжимается. Пока вы спали, обезвоженному телу пришлось сцедить воду откуда только можно, в том числе из килограмма сложно устроенного мяса, содержащего ваше воспаленное сознание. Поэтому сейчас ваш мозг, чудовищно сжатый, тянет за мембраны, соединяющиеся с черепом, вызывая чертову боль, дергающую за ниточки все ваше существо.

Алкоголь – это мочегонное. Прошлой ночью вы перебрали, и теперь он мешает телу поглощать воду. Вместе с H₂O ушли и другие вещества – электролиты, калий, магний, – благодаря которым функционируют ваши клетки (то есть *вы*). Выходит, у непрекращающегося сигнала, который посылает ваш иссушенный мозг, есть смысл: *тебе нужна вода!*

Сделав над собой сизифово усилие, вы поднимаете голову. Комната начинает кружиться. В баре прошлой ночью все тоже кружилось, и это было совсем не похоже на веселую дискотеку. Скорее на адскую карусель, с которой невозможно слезть. Когда вы закрыли глаза, стало еще хуже – вверх и вниз, все быстрее и быстрее вы кружите на дьявольском пони.

Причина всей этой свистопляски (помимо выпитого алкоголя) – рыба, которая выползла на сушу 365 миллионов лет назад и стала физиологическим предшественником всех видов животных, включая наш. Ее плавники стали когтями, лапами и пальцами. Ее чешуя – перьями, мехом и кожей. А ее челюстная кость, содержащая таинственное желеобразное вещество, что древнее начала времен, стала вашим внутренним ухом, в котором есть микроскопические клетки, похожие на волосы. Они измеряют движение этого желе, посылая мозгу сообщения о звуках, наклоне головы и ускорении. Вот почему весь мир кружится. В сущности, это морская болезнь на суше.

Алкоголь похож на пирата. Он любит приключения – какое-то время вы будете плыть по течению, пока внезапно он не возьмет вас на бордаж и не вытряхнет из вас все дерьмо, особенно когда достигнет вашего внутреннего уха. Алкоголь гораздо легче, чем это странное древнее желеобразное вещество, ответственное за равновесие. С алкоголем невозможно поладить и договориться, он будет гонять по вашему организму до тех пор, пока голова кругом не пойдет. Тогда-то ваше тело попытается найти неподвижную точку на воображаемом горизонте. Прошлой ночью, когда вы закрыли глаза в надежде, что кружение прекратится, ваши зрачки продолжали метаться слева направо – следя за этой несуществующей точкой.

На следующее утро бо́льшая часть выпивки уже покинула организм; остатки сжигаются, расщепляются и выходят через кровеносную систему. Поэтому теперь гонка в вашем внутреннем ухе происходит в обратную сторону, а мир кружится в противоположном направлении – в этот раз ваши глаза мечутся влево. Это одна из причин, почему, останавливая водителей на дороге, полицейские светят им в глаза фонариком. Увидев направление движения зрачков, они могут определить, пьяны ли вы, с похмелья или лучше всего – ни то ни другое.

Не то чтобы сейчас вас это заботило: вращение есть вращение, и хотелось бы его остановить. Да, может, вы и перебрали, но не стоит винить себя в том, что происходит теперь. Ничего бы не было, будь у этой дурацкой древней рыбы другое желе – или если бы она *просто осталась в воде, где ей и место*. Ладно, теперь вы становитесь раздражительными – даже слегка неразумными. Во многом это связано с истощением и отходняками от спиртного. Вы, может, и

отрубились, но не отдохнули. Как только седативный эффект рассеялся, никакой возможности достичь глубоких и глубоко необходимых фаз сна не осталось. В похмелье усталость играет не меньшую роль, чем обезвоживание.

Даже сейчас, когда сигнал о жажде врывается помехами в сознание, вы падаете обратно на кровать в надежде, что есть шанс, хоть малейший шанс, что вы сможете заснуть и видеть сны не о воде в пустыне. Впрочем, в этот раз, когда вы закрываете глаза, вращение уходит. И теперь вы начинаете чувствовать все, что происходит в животе.

Прошлой ночью алкоголь в какой-то момент прорвал слизистую оболочку вашего желудка. Теперь ваши клетки объаты пламенем, и желудок вырабатывает слишком много соляной кислоты – то же вещество используют для снятия краски и полировки камня. То есть мало того, что вы на пике обезвоживания и усталости, у вас еще и живот полон промышленного очистителя. И горят сейчас не только клетки вашего желудка. Остальные органы тоже пылают, они опухли и растягивают стенки почек, печени, поджелудочной железы и так далее, мешая им выводить токсины и всасывать питательные вещества и воду, даже если вам удастся ее в себя влить. Но, говоря откровенно, не только алкоголь делает это утро таким жестким. Дело еще и в том, как ваш организм пытается ему противостоять.

Печень командует войной против ядов в вашем теле. Для того чтобы справиться с принятым алкоголем, она выслала отряды камикадзе – свободных радикалов. Миссия выполнена, и они должны быть нейтрализованы. Но если вы продолжали пить, то призыв свободных радикалов не останавливался. Так что битву вы, может, и выиграли, но теперь по вашему телу скитаются мятежные убийцы в поисках драки...

Отчаянно пытаясь обуздать радикалы и вернуть контроль над ситуацией, ваша печень слегка психует – и в результате образуется ацетальдегид. Точно так же работает одно из самых жестких лекарств в истории человечества. Дисульфирам⁴ был создан для борьбы с серьезными формами алкоголизма. В сочетании с алкоголем он вызывает такую сильную головную боль и рвоту, что даже у самого отъявленного пьяницы пропадает желание сделать еще глоток. На протяжении десятилетий единственным медикаментозным способом борьбы с алкоголизмом был рецепт для мгновенного, безжалостного похмелья – оно-то в легкой форме и происходит сейчас с вами: боль и тошнота до тех пор, пока мозг не забудет о воде и станет молить о пощаде.

Но, конечно, все это – лишь физиология; худшее впереди. Пытаясь свернуться в позу эмбриона, вы ощущаете что-то под собой. По ощущениям похоже на рыбу, но это – ваша душа. И ваша хлюпкая душа изнывает и смеется, как будто бы вы сами сотворили с собой такое. Впрочем, так оно и есть.

Мало чем люди могут сами себе навредить так быстро, как алкоголем и наркотиками. Отчасти поэтому, когда телесная боль проходит, душевная травма усугубляется. Да, качество и количество выпитого могут влиять на физические аспекты вашего похмелья. Но то, насколько вы были веселы, принимая увеселительные напитки, часто предreshает дальнейшее душевное состояние. Вот почему похмелья типа «Я выиграл „Оскар“! Суперкубок! Сорвал куш!» и «Я потерял работу/девушку/тысячу баксов в блек-джек» ощущаются настолько по-разному. Сейчас у вас второй вариант. И постепенно боль и тошнота станут казаться вам долгожданным избавлением от мыслей, роящихся в голове, словно рыбье желе из допотопных времен или чертовы пустынные демоны:

*Ты растратил свой потенциал.
И еще один день жизни.*

---

⁴ Автор использует коммерческое название препарата, «Антабус» – под этой торговой маркой дисульфирам встречается в ряде стран, включая США.

*Ты никогда не найдешь другую девушку.
У тебя наверняка рак печени.
И ты умрешь в одиночестве.
Но прямо сейчас тебе, блин, просто нужно поплевать.*

Добро пожаловать в похмелье.

Часть первая Что происходит в Вегасе

В которой наш герой много пьет, водит гоночный автомобиль, стреляет из обреза АК-47 и отправляется в «Похмельный рай». В эпизодах – Ной, Дионис и гамбургер весом в три с половиной кило.

*О боже, и как это люди берут себе в рот врага, чтобы он похищал у них разум!*⁵

Уильям Шекспир

Передо мной стоит большой искривленный бокал. Крупные оливки фаршированы дешевым, но пахучим «Стилтоном»⁶, который стекает вниз по пластиковой шпажке, образуя плавающий слой на поверхности коктейля, напоминающий морскую пену. Но больше, чем этот напиток, озадачивает то, какого черта я вообще здесь делаю: пытаюсь своевременно напиться, чтобы вовремя протрезветь и сделать то, что вы *никогда* не стали бы делать, если у вас похмелье. Я начинаю пить.

Лас-Вегас стал бесспорной мировой столицей похмелья не только из-за трех очевидных ингредиентов: мальчишников, бесплатной выпивки и знаменитой кинотрилогии; это куда более сложный коктейль из географии, биологии, метеорологии, психологии, философии поп-культуры и местных законов в отношении алкоголя.

От отточенных острот бортпроводников при посадке до повсеместного лозунга «Что происходит здесь, остается здесь» и мифа о гангстерах – основателях города – сразу по прибытии вам вешают на уши легкую разноцветную лапшу, похожую на гавайское леи⁷: «Обычные правила здесь не действуют!» Вот почему обычно сдержанная участница конференции хватается при мне одну из гигантских светящихся пробирок с бухлом по дороге к стойке регистрации в 10:15 утра. Дальше наступает день – череда бесплатных коктейлей в бесконечных комнатах, заполненных ярким светом, искусственно сгенерированным кислородом и табачным дымом.

---

⁵ Шекспир У. Отелло / пер. М. Лозинского

⁶ Английский сорт сыра. Как правило, в оливки добавляют голубой «Стилтон» – сорт с благородной плесенью.

⁷ Леи – традиционное гавайское украшение, представляет собой ожерелье из цветов.

Все-таки это Вегас. Обычные правила здесь не действуют... правда, вашей печени об этом никто не сказал.

Я испытывал эффект Вегаса несколько раз, но не могу прогнать навязчивую мысль: сейчас, когда это действительно важно, похмелья может и не быть. Вот почему мы в этом баре, со сложносочиненным мартини. Я делаю еще глоток и пробую собраться с мыслями.

По задумке я должен совмещать два задания. Внештатные авторы так часто поступают. Конечно, удобнее, когда два сюжета хоть как-то совместимы: например, материал о дижестивах для *Digest Digest*⁸ можно написать на скорую руку во время работы над текстом о дегустации вин для бортового проспекта *Air France*. Но я-то решил совместить похмелье и перегрузки.

Я приехал в Лас-Вегас ради этой книги, но еще и по заданию мужского журнала. Для книги я исследую местечко под названием «Похмельный рай» – то есть буду раз за разом напиваться, чтобы проверить работу «лучшего в мире похмельного доктора». Для мужского журнала я буду пилотировать самолет-истребитель в инсценированном бою на высоте две тысячи метров, прыгну с крыши здания высотой в триста метров, спущусь на канате с горы, постреляю из автомата и буду водить гоночный автомобиль – все это войдет в рекламную кампанию «Экстремального Вегаса». Пара пустяков.

Выходит, у меня есть всего двенадцать часов, чтобы напиться, пережить похмелье и снова оказаться в строю, а затем одолеть трассу с десятью виражами на скорости двести сорок километров в час. Я не так силен в математике, чтобы понять, возможно ли это в принципе; но мне кажется, что сто граммов водки и две оливки с сыром – отличное начало. Я изучаю свой убывающий мартини и пробую определить, взбалтывали его или смешивали. В исследовании, опубликованном *British Medical Journal*, утверждалось, что взбалтывание мартини активирует антиоксиданты и деактивирует перекись водорода более эффективно, чем смешивание, – и это предположительно уменьшит шансы агента «два нуля» заработать катаракту, сердечно-сосудистое заболевание или похмелье.

У меня за спиной слышны звон монет, колокольчики и свистки, а потом крики: кто-то сорвал джекпот. «Вам повторить?» – спрашивает официантка.

«Да», – отвечаю я, но прошу не класть сыр.

Честно говоря, я уже немного с бодуна. Ранний вылет из Торонто не дал мне проспать после вчерашнего, и желудок шалит с тех пор, как мы пролетали над Небраской. Через полчаса у меня ужин с другими журналистами и координатором из Вегаса. Не знаю, сколько там будет выпивки, и сомневаюсь, стоит ли им поведать о моей тайной миссии. В какой-то момент это придется сделать: в нашем расписании так много опасных трюков, что я не представляю, как без их содействия мне удастся каждый день напиваться и трезветь, укладываясь в график. Я уже чувствую себя разбитым, и половина желудка словно осталась в Канаде. От следующего мартини многое зависит.

Мимо проходит девушка в шляпке-таблетке с лотком, полным всякой всячины. Я покупаю у нее пачку «Кэмел», «Ролейд»⁹ и зажигалку. Я жую «Ролейд» и только успеваю закурить, как приносят мартини. Делаю глоток.

Это безупречный мартини: слегка копченый, слегка «грязный», беспощадно крепкий и ледяной. И вдруг живот немного отпускает. Кислород, который закачивают в казино – чтобы люди оставались внутри, играли, пили, играли, еще и еще, – наконец добрался до моих легких. Я вытягиваю ноги, вдыхаю его поглубже и заказываю еще один мартини, на всякий случай.

С возвращением меня.

---

⁸ Игра слов: «digest» означает и обзорную статью (дайджест), и «переваривание».

⁹ Rolaid – американская марка антацидов.

Оказывается, «Экстремальный Вегас» – это не только вождение, пилотаж и прыжки с высоты, но и еда с выпивкой. Например, огромный гребешок и бифштекс с кровью подают в качестве закуски к дегустации односолодового скотча. А дегустировать тут предлагают здоровенными порциями.

Основное блюдо включает в себя пять видов дичи. Когда я прошу бокал полнотелого красного вина, мне приносят бутылку. Прикладываясь к ней, я объясняю сотрапезникам, как все удачно складывается – ведь мне как раз нужно напиться! Я начинаю рассказывать о моей книге... но тут один из журналистов, нью-йоркский автор текстов о путешествиях, решает перевести тему на страхование от несчастных случаев и спрашивает, будем ли мы утром все одновременно вести машины по одной и той же трассе.

Я готов поклясться, что он смотрит на меня, задавая этот вопрос, и он этого не отрицает. Наш координатор предлагает обсудить это за десертом. Уже почти полночь, и встреча на гоночной трассе назначена на девять утра. Я смотрю на часы, пытаюсь произвести необходимые расчеты и заказываю «Гран Марнье»¹⁰.

Пожалуй, стоит упомянуть, что две темы, с которыми я активнее всего работал, строя «карьеру» писателя, – выпивка и азартные игры. Отсюда можно сделать вывод, что это мои любимые занятия – и это в определенных кругах, в определенных обстоятельствах, может стать проблемой. Я не говорю, что у меня проблемы с азартными играми или даже проблемы с алкоголем. Просто стоит об этом упомянуть... особенно по пути из ресторана к покерным столам, где нас ждет бесплатная выпивка.

Дело вот в чем: когда вы пишете книгу о похмелье и сами покрываете исследовательские расходы, а вам предлагают бесплатные напитки (но только при условии, что вы сделаете ставку) – разве не безответственно, с финансовой и с профессиональной точки зрения, не поставить, хотя бы немного? Для ответа на этот почти риторический вопрос я быстро провожу анализ затрат и выгод, а потом сверяю результаты со своими крайне поверхностными представлениями о теории вероятности.

Вот что я рассчитал: шансы проиграться в покер в процентах выражаются двузначными числами в верхнем диапазоне, тогда как шансы еще крепче напиться, потягивая алкоголь за игорным столом (что напрямую потворствует моим профессиональным задачам, а значит, и средствам к существованию), составляют 100 %. Совершенно ясно, что у меня нет выбора: нужно садиться и играть.

Это безлимитный техасский холдем, блайнд¹¹ десять к десяти. Подходит официантка, и я прошу принести виски и пиво. Она говорит, можно заказать только один напиток за раз. Тогда я прошу принести виски, а потом пиво и сразу даю ей на чай фишку в десять долларов. Дилер сдает карты.

Я делаю ставку, занимаю место во втором ряду и жду, когда придут карты, стараясь определить, насколько я пьян, но я не уверен: часть меня все еще пугающе трезва. В остальном все идет хорошо – официантка возвращается, карты ложатся на сукно...

Отходняк на заре человечества

Похмелье существует дольше, чем человечество. Это утверждение так же неоспоримо, как эволюция – или райский сад, если угодно. Просто поддержите яблоко в подходящем месте достаточно долгое время, и вы увидите, что произойдет с птицами и пчелами, уже не говоря о змеях и обезьянах. Брожение старо, как сама флора и фауна.

---

¹⁰ Популярный коньячный ликер из Франции.

¹¹ Обязательная для участия в партии ставка, делается до получения карт и потому зовется «слепой».

Если говорить об эволюции, то мы можем быть уверены, что наши доисторические предки шатались пьяными задолго до того, как научились прямохождению. Возможно, это были редкие, праздничные, иногда чудовищные происшествия – но справедливо будет предположить, что первый бодун в истории случился сразу после первого опьянения. Поскольку алкоголь на несколько тысячелетий опередил письменность, первые упоминания о нем относятся к области устных преданий. Во многих космогонических мифах именно боги, а не звери стали первыми жертвами последствий брожения – и изменили начало истории человечества.

В мифах африканских народов йоруба говорится, что бог Обатала однажды от скуки стал лепить человечков из глины. Потом, ощутив жажду, он принялся пить пальмовое вино. Захмелев, он наломал таких дров – например, нескольких новых человечков слепил корявыми, – что наутро дал типичный похмельный зарок больше никогда не пить (для бога «никогда» – это очень долго).

Энки, шумерский бог воды, в своем несовершенстве безупречно воплощает двойственность алкоголя. С виду скользкий, как рыба, он был ходячим, или плавучим, противоречием: бог мудрости и знания, притом безответственный, вечно пьяный потаскун. Однажды он пытался соблазнить Инанну, богиню плотской любви и плодородия, напоив ее в зюю. Но Инанна сама опоила Энки до беспамятства и обманом забрала его «мэ» – свод законов, с помощью которого тот собирался подчинить себе все сущее. Наутро, осознав пьяную оплошность, Энки пустился в погоню, он побежал по берегу реки, поплеывая на бегу прямо себе под ноги. Но было поздно: род человеческий обрел свободу воли, а Энки – бодун до небес и вечное раскаяние.

Раннеизраильская традиция, как и более позднее христианство и иудаизм, представляет древо познания как священную лозу, а запретный плод – как гроздь сладкого винограда. Попробовав ягоды, Адам испытал просветление, обрел могущество. Именно это богоподобное возвышение привело его к падению в наши ничтожные, несовершенные края: так брэнность родилась из первого похмелья человека.

В еврейской традиции, когда Адама стали прогонять из райского сада, он успел срезать ветку винограда, ставшего причиной его искушения. Именно эту ветку посадил впоследствии Ной на земле – божественный дар, данный и полученный без ведома, очевидно, не вполне всеведущего Бога.

Большинство ученых и креационистов придерживаются мнения, что около десяти тысяч лет назад на всей земле произошел великий потоп – а также что виноградарство, изготовление вина появились вскоре после него. В нескольких древних текстах конец Великого потопа напрямую коррелирует с появлением мирского пьянства. Будь то Кезер¹² из доисторической Сибири, Девкалион (это имя буквально означает «сладкое вино») из греческой мифологии, Утнапиштим из «Эпоса о Гильгамеше» или Ной из Ветхого Завета – первое, что сделал каждый из этих уцелевших, едва припарковав свой ковчег: обучился изготавливать бухло.

И тут начались проблемы. Согласно Библии, Ной так напился, впервые попробовав вино, что упал в обморок, раскинув руки, нагишом. А проснувшись и обнаружив, что его сын Хам нашел его в таком виде, Ной пришел в ярость и наказал Хама. Или, по другой версии, наказал одного из четверых сыновей Хама, Ханаана, – приговорив его и всех его потомков к вечному рабству.

Конечно, когда-то у этой истории было больше подробностей. Исследователи Библии долгое время препирались о том, что же на самом деле произошло той первой пьяной ночью и последовавшим утром – и почему Ной, который заварил всю эту кашу, напившись до чертиков,

---

¹² В Горном Алтае «кезерами» называли резные каменные изваяния воинов. Ранее считалось, что Кезер является героем фольклора шорцев, однако позднее эта версия была опровергнута. Скорее всего, «кезер» обозначал не конкретного героя, а богатыря, поскольку в переводе с шорского это слово, по мнению историка Д. А. Функа, означает «удалец».

избежал божьей кары. Защитники Ноя объясняют это так: он первый человек, который когда-либо напивался, и его неправильно судить; в конце концов, как не напиться, если ты даже не знаешь, что такое бывает? Представьте, что вы – первый в истории человек, который надрался, а потом испытал похмелье.

Великий Кингсли Эмис утверждает – как первейший императив с бодуна: «Попробуйте признать, что у вас похмелье. Вы ничем не больны, у вас нет поражения мозга, вы не такое уж ничтожество в работе, ваши родные и близкие не вступили в тайный сговор, едва сдерживаясь, молчать о том, какое же вы дерьмо, вы не увидели наконец жизнь в ее истинном свете».

Но как быть, если вы этого не знали? Как быть, если вы не знали ничего из вышесказанного? Вы бы решили, что вас отравили, что вы умираете, сходите с ума и летите ко всем чертям. Даже у человека, испытавшего меньший стресс, чем Ной, могла бы слегка поехать крыша. К тому же кто скажет, что Господь в конце концов не призвал его к ответственности, как и Адама? Быть может, изначальные пьяницы в Библии и правда были наказаны в ветхозаветном духе: их наградили не только первым в истории похмельем, но и вечным похмельем для всего человечества – ныне и присно и во веки веков, аминь...

Что происходит в Вегасе (наутро)

Я просыпаюсь, заглатывая воздух, от жужжания и рева, отдаленно напоминающего звуковой сигнал. Хватаю телефон, шлепаю на кнопку радио у кровати и ложусь назад, свернувшись клубком и одновременно раскинув ноги и руки.

Постепенно я начинаю припоминать: самолет в Вегас, дальше мартини, ужин, покер... дальше все немного туманно. Я продираю глаза и осматриваюсь. Тут что-то не так... Мои мысли стремительно летят вперед: вести спортивную машину, посетить доктора от похмелья, одеться – стоп: все наоборот.

Я пытаюсь сфокусировать взгляд, но... в комнате все еще что-то не так: кажется, как будто она стала просторнее. И вещи лежат не на своих местах. Я вылезаю из кровати, немного прихрамывая, и нащупываю кнопку управления светонепроницаемыми шторами. Когда они поднимаются, я отшатываюсь и теперь смотрю вниз – я гораздо выше, чем думал, – на большие американские горки. Они появились из ниоткуда. Люди подо мной делают мертвую петлю.

Это. Не. Моя. Комната.

Я быстро осматриваюсь по сторонам – но я один. И все мои вещи, кажется, здесь (хотя лежат не там, куда я мог их положить). Значит, возможно, комната все-таки моя – правда, она в два раза больше, чем я помню, и находится в другой части здания и на несколько этажей выше... У меня очень сильный сушняк.

Я наливаю стакан воды в гигантской ванной комнате, выпиваю залпом, наливаю еще, затем пью маленькими глотками... и воспоминания начинают приходить, как вспышки. Слова, картинки и люди собираются в нарративную синестезию: бесконечнотелескоп, телефонотелескоп, розовогалстукидиот, босикомохрана, уборщерозалинда...

Провалы в памяти, конечно, могут означать серьезные проблемы с алкоголем или с нервами – и у некоторых людей служить знаком пугающей действительности: пучины неизвестности, в которой они оказываются с бодуна. Все-таки я постараюсь вспомнить все, даже если это займет какое-то время, хотя прямо сейчас у меня его нет.

Будильник начинает звонить снова, и я нащупываю брюки. Натягивая их, я чувствую резкую боль в правой ступне, но уже нет времени с ней разбираться – как и с таинственным преобразованием моего номера в гостинице. Содержимое карманов (складной штопор, небольшая дверная ручка, стопка записок, чеки о снятии наличных со счета и полное отсутствие наличных) говорит о том, что я явно не праздновал полосу удачи.

Прихрамывая, я выхожу из отеля и сажусь в такси, ожидающее клиентов. «Куда ехать?» – спрашивает водитель.

– В «Мятный носорог»¹³.

Он ухмыляется. «Вечеринка продолжается?»

Клуб «Мятный носорог» на окраине города – один из самых известных стрип-клубов в Лас-Вегасе: он работает круглосуточно, 365 дней в году, то есть любой день можно начать с выпивки, которую тут подают бутылками, и приватного танца. Через дорогу располагается «Похмельный рай».

Открывшийся меньше года назад «Похмельный рай» позиционирует себя как «единственная в мире врачебная практика по изучению, предотвращению и излечению похмелья».

Пакеты услуг включают в себя «Воскресную школу» (45 долларов), «Искушение» (99 долларов), «Спасение» (159 долларов) и «Вознесение» (199 долларов). На сайте полно свидетельств о том, насколько важно рассматривать похмелье как настоящий медицинский диагноз. А еще, кликнув на страничку с товарами, можно приобрести бейсболки, рюмки и футболки с надписью «Чувствую себя как Иисус пасхальным утром».

Передо мной – типовое одноэтажное промышленное/офисное здание с плоской крышей: в таких, судя по телепередачам, селятся либо охотники за головами, либо гуру по саморазвитию. Я начинаю представлять себе, что бизнес по излечению похмелья – это подходящая смесь одного и другого. Нахожу дверь и открываю ее.

– Ну, как вы сегодня? – спрашивает улыбающаяся девушка, облокотившись на стойку.

– Хорошо, – отвечаю я, но сразу вспоминаю о цели визита. Не хочу, чтобы она подумала, будто я не принимаю все это всерьез: – Ну, учитывая, сами знаете... – Я поднимаю руку и делаю универсальный жест, обозначающий выпивку. Несмотря на очень смутные воспоминания и общую разбитость, я все еще не уверен, что достаточно напился для того, чтобы как следует проверить это место.

– Я Сэнди. – Она берет в руки планшет для записей. – А вы – тот писатель?

– Да, мэм, – говорю я. Теперь от стремления проявить себя одновременно как адекватный профессионал и человек с большого бодуна начинает болеть голова. Кажется, это хороший знак.

– Ну, не беспокойтесь. – Голос Сэнди доносится будто издалека. – Мы вас в два счета на ноги поставим.

«Похмельный рай» – это разросшееся интеллектуальное детище доктора Джейсона Бёрка, который утверждает, что «излечил больше случаев похмелья, чем любой другой врач в мире»; он применил к проблемам, возникающим после вечеринки, опыт работы послеоперационным анестезиологом. Я разговаривал с ним по телефону. Его акцент уроженца Северной Каролины так идеально подходил к фотографии, что я уже шурился от воображаемого блеска его неземной белоснежной улыбки. Но мне придется немного подождать, чтобы встретиться с ним лично. Когда начнется его сегодняшний прием, я уже буду наматывать круги на гоночной трассе.

По иронии судьбы, человек, который примет меня вместо доктора Бёрка, подрабатывает медбратом на той самой гоночной трассе: «Я просто сижу рядом и жду, когда кто-нибудь разобьется, – говорит он. – О, я не имел в виду лично вас. И не волнуйтесь: никто никогда не разбивается». Звучит крайне подозрительно, и от этого мне становится дурно.

– Ну что, как вы себя чувствуете? – спрашивает медбрат Пол, настраивая высоту моего гигантского кожаного кресла-реклайнера, одного из шести в этой комнате с белыми стенами.

---

¹³ Spearmint Rhino, крупная сеть стрип-клубов в США, Великобритании и Австралии. Название «Мятный носорог» появилось случайно, поскольку клубу требовалось «запоминающееся имя».

– Дурно.

– Насколько вам плохо в целом, по шкале от одного до десяти?

– На семь с половиной, – говорю я. Но боюсь, что, возможно, немного завышаю цифры от чувства вины, что я все-таки не с большого бодуна.

– Как, по-вашему, на ваше похмелье действуют перегрузки? – спрашивает Пол, закрепляя капельницу.

– По правде говоря, не знаю, – говорю я. – Но у меня ведь не будет похмелья, правда?

– Правда, – отвечает он и трогает внутреннюю сторону моей руки. – Сожмите кулак.

Согласно собственным данным «Похмельного рая», лечение заканчивается успехом в 98 % случаев. Содержимое капельницы – так называемый коктейль Майерса¹⁴. В него входят электролиты, магний, кальций, фосфат, витамин С и витамины группы В, и считается, что он должен способствовать гидратации и всасыванию алкоголя. Пол прибавляет к этому «Зофран» – препарат от тошноты, противовоспалительное средство под названием «Торадол» и стероидный препарат дексаметазон. Потом он вкалывает комплекс витаминов Super B мне в плечо. По его словам, это поможет мне избежать похмелья в последующие несколько дней. А еще мне дадут две баночки со всякими добавками: одну нужно принять в обед, другую – во время ужина.

Пока Пол все это объясняет, его коллега Грэг, дипломированный медбрат, подготавливает кислородный баллон. Они оба – крупные, крепко сбитые мужчины и очень радушные. Как и Сэнди, они могли бы с легкостью устроиться на работу в ночной клуб. Это, конечно, очень в духе Вегаса: обходительность, легкость, юмор и много кислорода.

Грэг надевает на меня кислородную маску. «Посидите в ней полчаса».

– Как насчет кино? – спрашивает Пол.

– И так сойдет, – говорю я, и в маске мой голос звучит, как у космонавта. Они выглядят расстроенными: Пол уже было направился к плазме с DVD-диском в руке. Я вижу коробочку и понимаю, что здесь это считается развлекательной частью лечения – посмотреть «Мальчишник в Вегасе», пока тебя спасают от похмелья. Не хочу их расстраивать и жестом даю понять, что передумал.

По иронии судьбы, впервые я смотрел «Мальчишник в Вегасе» во время поездки в Вегас – и тоже с бодуна. Но в тот раз все было серьезно – когда ты почти умираешь, ящерицы лакают из твоих глаз, а твоя подружка-врач положила тебя в холодную ванну, чтобы сбить температуру. Эту историю я приберегу для главы о худших похмельях.

– Не пашет! – говорит Пол, протирая диск, и пробует вставить его еще раз.

– Есть другой? – спрашивает Грэг.

– Он треснутый.

– Вот блин.

Я заверяю их, что все в порядке; хорошее кино, но я его уже смотрел. Тогда они включают фильм «Третий лишний» про скурившегося плюшевого мишку. На стене за телевизором висит большой постер, где изображен плывущий сквозь облака по небу автобус «Похмельный рай». «НАШИ МОЛИТВЫ УСЛЫШАНЫ!» – гласит подпись. Свет гаснет, и они оставляют меня исцеляться...

Примерно через час или чуть позже я присоединяюсь к другим журналистам в комнате для инструктажа компании Vegas Dream Racing – за хорошие деньги они предлагают поводить один из самых быстрых автомобилей в мире. Несмотря на утренние лекарства, меня слегка потряхивает.

---

¹⁴ Внутривенная витаминная инъекция, названная по имени доктора из города Балтимор. Ее эффективность научно не доказана, а риски включают занесение инфекции и аллергическую реакцию организма на витамины.

«Вы когда-нибудь это делали?» – спрашивает автор из Айовы, добродушный журналист, который за свой счет издал искусно сделанную книгу по саморазвитию, деликатную и шуточную; он продает ее через собственный сайт по принципу «заплати, сколько не жалко». Книга называется «Используйте все мелки», и она разошлась тиражом большим, чем всё, что написали остальные присутствующие вместе взятые. Ему удастся быть таким самокритичным и вдохновляющим, каким никогда не стать трэвел-журналисту из Нью-Йорка.

«Не-а, – отвечаю я, – но я всегда об этом мечтал». Я рассказываю ему, как я жил в маленьком итальянском городке, где производят все автомобили Ferrari. «Можно было услышать, как они день-деньской гоняют по испытательному треку – весь этот гром, рычание мотора, эффект Допплера. Это было потрясно».

«Здорово! – говорит он. – А я немного волнуюсь. Но в хорошем смысле».

По пути к симуляторам до меня доходит, что еще чуть-чуть – и я мог бы упустить эту возможность. Есть, конечно, несметное количество факторов, способных увеличить интенсивность похмелья. Вчера я уже столкнулся с большими высотами, со сменой часовых и климатических поясов, с сырным коктейлем, с дегустацией виски, с пятью видами дичи, с покером, сигаретами и жестким недосыпом. Даже я понимаю, что слишком уж понадеялся на врача, по совместительству продающего рюмки.

Симулятор оказывается сложным, а нога все еще болит, словно я посадил занозу. Если я схожу с трассы, кресло начинает вибрировать. Я врезаюсь в стену, и раздается громкий звук удара. Инструктор все время заверяет нас, что в реальности все проще. Но в реальности все еще и реально: заземленная ракета с единственным рулем и единственной педалью тормоза; одно неверное движение – и...

Подписав отказ от претензий и надев комбинезон автогонщика, я начинаю ощущать, как меня подташнивает. Я нахожу уборную, смотрю на себя в зеркало, ополаскиваю лицо холодной водой. В висках стучит, но будто издали. Я думаю обо всем, что делал в этой жизни с бодуна. «Это еще что, – говорю я сам себе. – Завтра будут истребители, прыжки со „Стратосферы“¹⁵. В любом случае, ты же принял лекарство, помнишь?»

Я киваю, беру шлем и отправляюсь на поиски моего гоночного автомобиля.

Неудобства, которые я претерпеваю, чтобы пролезть в узкую клетушку водительского сидения, ощущаются так, как будто я впервые оказался за рулем. Я очень боюсь разбиться, но еще больше волнуюсь, что у меня будет кишка тонка выжать полную скорость. Но как только я завожу мотор, тревогу как рукой снимает – а вместе с ней и все симптомы похмелья. Они вернутся ко мне позже, в десятикратном объеме, в лимузине, по дороге обратно в Вегас. Но сейчас все, что я чувствую, – это мотор. Он ревет, глубоко и мощно, едва сдерживаясь, словно прирученный дракон, только ты находишься внутри него.

Я выезжаю на трассу, прохожу поворот, потом еще один, мой мозг пытается угнаться за телом, а оно – за автомобилем, и я только вполуха слушаю инструктора, сидящего рядом со мной. Я знаю, что нужно делать: не трогать тормоз, переключать передачу перед поворотом, потом нажимать на газ и снова переключать передачу... но я все еще пытаюсь освоиться. Мы выходим на первую финишную прямую.

Я давлю на газ, кайф просто неопиcуемый. Теперь второй круг. Тот же самый поворот, мое похмелье вернулось, и вдруг я понимаю: это и правда проще, чем вести симулятор. По сути, это даже проще, чем вести обычный автомобиль. Ты поворачиваешь руль, и машина делает именно то, что ты хочешь, – никаких заносов, не нужно притормаживать, балансировать или корректировать скорость перед поворотом или сразу после. Нужно просто доверять машине и делать дело – как будто применяешь джедайскую Силу, но с широко открытыми глазами.

---

¹⁵ Башня отеля-казино «Стратосфера Лас-Вегас» – высочайшая обзорная башня в США. – Прим. пер.

Так я и прохожу следующий поворот, твердо держусь за руль и одновременно отпускаю себя. Когда я жму на газ, раздается рев, подобный раскату грома. Он заполняет все пять моих органов чувств и проходит прямо сквозь меня, как волна адреналина.

Теперь я еду на скорости 255 километров в час. Перегрузки похожи на объятия призрака, они находятся и во времени, и вне времени. Лучшее переживание за последние несколько месяцев.

«Объятия призрака? – спрашивает молодой фрилансер из Калифорнии, когда мы направляемся в Вегас на обед. – Звучит довольно странно». Гонка давно закончилась, и теперь мы едем в огромном лимузине, мексиканская клубная музыка орет из динамиков, а я сижу спиной по ходу движения.

«Очень сильного призрака», – говорю я, чтобы пояснить. Но я действительно чувствую себя довольно странно. Потом, когда в моем желудке происходит очередной пируэт, я понимаю, что это – худшее место, где я мог бы оказаться: я сижу спиной вперед в прыгающем лимузине для вечеринок. Но уже слишком поздно. А теперь тонированные стекла будто вдавливаются внутрь, и мои внутренности просятся наружу. Я обхватываю руками свою грудь, закрываю глаза и отчаянно пытаюсь мысленно раскачиваться в такт заикленной, громыхающей музыке.

В конце концов мы паркуемся у фасада гостиницы, и я вырываюсь из лимузина. Мелок из Айовы выкрикивает название бара, где у нас назначен обед, и я пытаюсь помахать рукой, типа «все okay». Но все не okay. Все очень плохо. Если бы я был в состоянии рассуждать, то подумал бы, что перегрузки могли нейтрализовать эффект противопохмельного лекарства. Или что все-таки, независимо от того, чем ты наполнишь капельницу и сколько кислорода закачаешь в легкие, не стоит через какие-то восемь часов после пьянки садиться за руль гоночного автомобиля. Но сейчас я не способен рассуждать. Все, что у меня осталось, – инстинкт раненого барсука, бредущего, прихрамывая, по жаре с единственной мыслью в голове: найти тенистое место под крылечком, доползти до него и сдохнуть.

Вместо этого я нахожу уборную и открываю баночку с таблетками, на ней написано «ДЕНЬ», а на этикетке изображен автобус «Похмельный рай», который едет в ангельских лучах света. В баночке – жевательный кубик, завернутый в фольгу, и несколько капсул бог знает с чем. Позже я прочитаю, что написано на этикетке: «Таурин, 1000 мг; расторопша, 330 мг; ресвератрол, 500 мг; асаи; Н-ацетилцистеин, 600 мг», – но это все равно мне ни о чем не скажет.

Я с трудом проглатываю таблетки и запиваю их водой из-под крана. Потом я какое-то время сижу в туалетной кабинке, ожидая, когда перестанет кружиться голова. Если меня все-таки вырвет, сейчас для этого наитупейший момент – сразу после того, как я проглотил эти экстренные таблетки, сулящие мне надежду.

С полуприкрытыми глазами, едва переставляя ноги, я нахожу наш обеденный бар и присоединяюсь к остальным за столом. Путешественник из Нью-Йорка смотрит на меня с упреком. Внезапно у меня появляется странное чувство, что я стал в два раза меньше. Я медленно моргаю – но нет, он все еще лежит прямо передо мной на столе: бургер размером с две моих головы.

– Экстремальный гамбургер! – говорит ведущий нашего тура.

– Три с половиной кило, – говорит калифорниец. – Если съешь его за час, обойдется бесплатно!

Я хочу ему напомнить, что нам тут все обходится бесплатно – мы же придурковатые журналисты в тематическом туре «убей-себя-так-или-эдак». Но это может прозвучать невежливо. К тому же я боюсь, что вместо слов меня вырвет.

Официантка начинает рассказывать о разных стратегиях поедания гамбургера, которые приводили людей к победе: огурчики съесть первыми, потом слизать горчицу, обмакнуть булочку в пиво, тщательно пережевать мясо, потом воспользоваться ложкой... Она продолжает

до тех пор, пока мне не остается только одно: бежать. Я бегу через весь бар, за раздвижные двери, и врезаюсь прямо в золотую статую пирата. С этого ракурса она похожа на капитана Моргана¹⁶, который был скорее капером, а не пиратом и в 1688 году упился до смерти. Отключаясь у его ног, я думаю о том, что лучше бы я всего это не знал.

Дионис и двойные двери

Еще одна версия первого эпизода человеческого похмелья восходит к ранним дням греческих богов, когда Дионис свободно летал над брэнной землей. Да, Дионис был богом вина. Но в первую очередь (и, возможно, это важно) он был полубогом противоречия. Сын Зевса и смелой, красивой земной женщины, он унаследовал силу богов и необузданность смертных – а гордость и страсть от обоих. Он был наделен творческой силой, безграничной и безрассудной, опасной и противоречивой, подобной которой мир еще не видывал. Поэтому он стал богом вина – и пил вино так же часто, как смертные дышат.

Однажды он потягивал вино из волшебного бездонного бурдюка, прогуливаясь по пыльной дороге в районе Пандиона, и на ходу сочинял песни об океане в небесах, о летающих русалках и о радостях одиночества. Он устал выпивать с богами на Олимпе и, отхлебывая помаленьку, во время прогулки стал принимать разные облики: из полубога он превратился в брахмана, в молнию, в короля-ящера, а затем в стройного улыбчивого юношу и в таком облике зашел на чьи-то уголья и увидел дом.

Это был дом Икария и его дочери Эригоны, и они сразу понравились Дионису. Он улыбнулся самой лучезарной своей улыбкой, угостил их напитком, и они пригласили его разделить с ними трапезу.

Из признательности к новым друзьям, смертным, и зная, что только боги могут справиться с вином и устоять на ногах, он разбавил вино в их чашах водой. Они так здорово провели вместе время, что, снова отправляясь в путь, Дионис оставил друзьям еще одну порцию своего пойла и секрет его приготовления. Икарий, Эригона и их собака Мэра скоро поделились этим божественным подарком с земными соседями. Вот тогда-то все и пошло наперекосяк.

У этой легенды, как у любой другой, есть много версий и интерпретаций, но общий смысл таков: соседи Икария выпили все вино, напились до беспамятства, а когда проснулись, им стало так плохо, что они решили, будто вино было отравлено. Они побили Икария палками, разрезали его на куски и бросили на дно колодца. Его собака, обезумев от горя, прыгнула в колодец вслед за ним, а Эригона, увидев все это, повесилась на ветвях дерева. И тут появился Дионис.

Определенно, неразумно гневить отпрысков Зевса – но особенно Диониса. К тому времени как он закончил чинить расправу, первый опыт человеческого недопонимая по пьяни обернулся в похмельный апокалипсис. Всех смертных, живших в окрестностях, Дионис стер в порошок, а иных обрек на страдания или сослал на адский остров. Что до убийц Икария, то для них Дионис приготовил весьма оригинальную пытку: он соблазнил их и не довел начатое до конца, так что они сошли с ума и обрекли себя на вечные муки сексуальной неудовлетворенности.

Своих пострадавших товарищей Дионис тоже обессмертил, но куда милостивее: он превратил их в небесные тела – даже собаку Мэру, которая стала самой яркой и одинокой звездой в созвездии Малого Пса.

Вскоре правитель Афин постановил, что только боги способны пить вино неразбавленным, а каждый смертный от него лишается разума и/или умирает. По мере того как вино

---

¹⁶ Генри Морган (1635–1688) – валлийский капер, а позднее чиновник и плантатор на Ямайке, проводивший на острове колониальную политику Британской империи. Его именем названа одна из самых популярных марок рома Captain Morgan.

распространилось по всей территории древней цивилизации, необходимость разбавлять вино водой превратилась в важнейший принцип, разделявший цивилизованное общество и варваров, мудрость и халатность, здоровье и пьянство.

Молодые греки обучались правильному употреблению алкоголя на симпозиях, это вариация гимназия: предполагалось, что хорошая пирушка требует тех же сил, практики и дисциплины, что и занятия атлетикой. Выпивать из чаши вино, разбавленное водой, и одновременно размышлять о красоте логики или логике красоты, – этому нужно было специально обучаться у мастера-симпосиарха; одним из таких мастеров, к примеру, был Платон. В очень классной книге Тома Стендейджа «История мира в шести бокалах» говорится, что современники отмечали: «участники обеда [с Платоном] прекрасно чувствовали себя на следующий день».

Пока ранняя цивилизация пожинала плоды распития вина и боролась с последствиями злоупотреблений, Дионис обрел такое могущество, получил столько талантов и способностей и стал таким парадоксальным персонажем, что и ста имен не хватало, чтобы его назвать. Его называли Дикий, Двуликий Бог, Танцующий, Расслабленный, Вестник света, Кутила, Экстаз, Тот-кто-сводит-женщин-с-ума, Воин, Освободитель, Дарующий благодать, Святой, Искупитель, Самый далекий, Конец, Бог Двойных дверей...

Как позднее Христос, Дионис завлекал народ идеей, что его последователи смогут, причастившись, обрести спасение после смерти. Причащались они, выпивая вино, которое символизировало его кровь. Выпив достаточно вина, люди чувствовали предвестия спасения – освобождение души от земного тела. Но перебор мог привести к противоположному эффекту: хаос, деградация земного тела и душевные недуги. Таковы двойные двери, ведущие в обе стороны, одновременно в рай и в ад: божественный дуализм опьянения и похмелья.

Что происходит в Вегасе (когда идешь в бой с бодуна)

Головная боль достигает пика, когда мы заходим в оружейный магазин. Я чувствую себя так, словно сейчас умру, а это отнюдь не в моих планах. Мы проходим общий брифинг, получаем беруши и защитные очки, нас ждет «экстремальный» сюрприз: в дополнение к стандартным типам оружия нам разрешат пострелять из обреза АК-47 – у него такой широкий радиус поражения, что он выбрасывает пламя.

Мои коллеги-журналисты выбирают эзотерические мишени: мумия в смокинге, федеральный агент-хипстер, клоун-Рэмбо. Путешественник из Нью-Йорка выбирает привлекательную женщину, к которой сзади крадется зомби (выясняется, что он тот еще меткий стрелок – и зомби, конечно, остается невредимым). Я выбираю типовую, ничем не примечательную мишень: что-то вроде невыразительного, бесформенного Барбапапы¹⁷. Но даже в него мне совершенно не хочется стрелять.

Каждая пуля, каждая обойма, каждый выстрел словно рикошетом отдаются у меня в мозгу. Боже, как это, наверное, ужасно – идти в бой с бодуна... Боль, страх и недуг точат тебя изнутри, пока смерть косит все вокруг. От мысли о том, что солдаты делают это уже тысячи лет, головная боль только усиливается. Я стреляю до тех пор, пока меня снова не начинает тошнить, и даже не пытаюсь целиться.

После стрельбища мы отправляемся в мексиканский ресторан за гигантскими порциями «Маргариты» и суперострыми тако; свой список вещей, которые ни за что не стоит делать с похмелья, я почти закончил всего за один день. Завтра нас ждет воздушная акробатика на самолете-истребителе и прыжок с крыши трехсотметрового здания. Я никогда не смотрел с таким отвращением на бесплатную текилу. А потом к нам спускаются мариачи.

---

¹⁷ Персонаж серии французских детских книг, а позднее мультсериала. Представляет собой ожившую сахарную вату.

Когда я, пошатываясь, наконец захожу в холл нашей гостиницы, то понимаю, что не имею ни малейшего представления о том, на каком этаже находится мой таинственный новый номер. Прежде чем я успеваю задать вопрос, консьерж приветливо хихикает: «А! Мистер Бишоп! Как вам ваш новый номер? Приношу извинения за прошлую ночь!»

Я не знаю, о чем он говорит, но спешу его заверить, что все прекрасно и новое расположение полностью отвечает моим требованиям. И не могли бы вы напомнить, какой у меня номер, еще разок?..

– Конечно. – Он нажимает несколько клавиш, чтобы найти комнату. – А как прошел ваш день?

– Отлично, – отвечаю я и, прихрамывая, направляюсь в сторону VIP-башни № 3.

День выдался настолько до блевоты насыщенным, что я не успел даже попытаться припомнить, что же произошло вчера. Я думаю об этом, включая ноутбук, чтобы отправить редактору мучительно беззаботное сообщение. И там, по центру рабочего стола, лежит файл под названием «ОКЕЙ! Я ПЬЯН!» Я открываю файл и начинаю читать:

Окей! Я пьян! Но теперь не выключается лампа, и я не могу даже выдернуть шнур из розетки. Кабель уходит прямо в дурацкий стол в стене! Я должен поспать, чтобы завтра водить гоночные тачки, но я не могу выключить свет!

Окей, я пытался выкрутить лампочку, но обжег руку и сломал лампочку, и теперь в постели полно стекла. Я не могу, блин, в это поверить! Я уже полчаса на проводе с дежурным и думаю, они даже не понимают, что я звоню им из их же гостиницы. Это звонок ИЗ гостиницы!

Ну вот и телефон сломался!

О боже! Придурак в розовом галстуке за стойкой регистрации сказал, что я висел на проводе всего восемь минут, и он сказал, что я пьян, только потому что я был босиком! Вот придурак! Мне пришлось подниматься сюда на лифте в сопровождении двух охранников, и они тоже считают его придураком. Они смеялись шутке про мои ботинки, но потом я забыл об этом, когда вошел, и теперь у меня в пятке застряло стекло, а охранники сказали, что пришлют кого-нибудь починить телефон, и я жду уже полчаса!!

Я только что встретил самую прелестную женщину на свете. Розалинда. Думаю, она главная уборщица. Она была в холле. Прошло много времени, потому что я должен был рассказать ей все. Она видела, что я даже не пьян. Она сказала, что все уладит и мне сейчас же найдут другой номер, и я попросил номер получше – чтобы можно было курить. И теперь я снова жду. Самый долгий день в моей жизни. Мне не верится, что нужно...

Звонит телефон. Я прекращаю читать свой пьяный бред и беру трубку.

– Как прошел ваш день? – Сначала я думаю, что это опять консьерж, но потом узнаю манеру доктора Джеймса Бёрка растягивать слова.

– Если честно, довольно болезненно, – говорю я.

Следует короткая пауза, и я понимаю, что похож на ресторанного критика, сообщившего хозяину заведения, что рыба была несъедобной.

– Мне жаль это слышать, – говорит доктор Бёрк. – Почему бы вам не рассказать мне о нем поподробнее? Может быть, мы выясним, что пошло не так.

– Конечно, – отвечаю я и начинаю рассказ про мартини и сыр с плесенью...

– Как вы чувствуете себя сейчас? – спрашивает доктор Бёрк, когда я заканчиваю свой рассказ.

– Кажется, ничего.

– Понимаете, мы достигаем положительного результата в 90 % случаев...

– У вас на сайте написано, что в 98 %.

– Именно. Поэтому у меня есть несколько предположений, что могло случиться.

– Я слушаю. – Я открываю новый файл, чтобы делать заметки на компьютере.

– Во-первых, как я и говорил, мы достигаем положительного результата не в 100 % случаев. На некоторых людей лекарство попросту не действует. Не знаю почему. Но маловероятно, что это ваш случай.

– Где-то на два процента.

– Да. Дело вот в чем: я вижу, сколько, по вашим словам, вы выпили, в какое время вы перестали употреблять алкоголь и когда пришли к нам в клинику. Как вы понимаете, наша система рассчитана на лечение похмелья...

– Угу.

– ...И похмелье – это в том числе отказ от алкоголя, и я подозреваю, что это не входило в ваши планы.

– Что вы имеете в виду?

– Можно заключить, – говорит доктор Бёрк, – что вы были скорее в состоянии опьянения, а не похмелья, когда мы вас лечили. И некоторое время спустя тоже...

А потом до меня наконец доходит: он говорит, что, когда я вел тачку за полмиллиона долларов на скорости 250 километров в час, я был в состоянии, противоположном похмелью. Я был в стельку пьян. Все мои усилия, чтобы как следует напиться, пошли псу под хвост, потому что я переусердствовал. И теперь весь эксперимент провален. Ко всему прочему, я еще и за рулем был в пьяном виде.

– Черт.

– Нам нужно попробовать еще раз, – говорит доктор Бёрк.

Но теперь я думаю о завтрашних истребителях, пике, бочках, петлях... Я закрываю ноутбук.

– Сегодня я постараюсь так не усердствовать. Завтра начнем по новой.

– Хорошо, – говорит похмельный доктор. – Тогда до встречи.

Я наливаю себе виски и раздеваюсь. Легко выключаю свет. Когда я закрываю глаза, комната кажется узкой, будто я в объятиях очень сильного, очень милосердного призрака.

Первый перерыв Выпить перед битвой

Платон, который научился у Сократа искусству сбалансированно распивать и рассуждать, передал этот навык своему ученику Аристотелю. Лучшим учеником Аристотеля был царь Александр Македонский, который преумножил мудрость Эллады – во всем, кроме выпивки.

Как и его отец, Александр был страстным, сильно пьющим царем-полководцем. Как и его мать, он был ярым последователем Диониса – столь убежденным, что считал тропу своих завоеваний реконструкцией странствий бога вина¹⁸. Каждую ночь он вместе с подданными напиивался до одури, а после они отправлялись на поле боя, сражаясь с головной болью так же самоотверженно, как с гунном, и всякий раз одерживали победу. Он полностью доминировал над новым обществом, как вино над водой, – и хотел цивилизовать мир, залив его кровью.

В итоге Александр завоевал больше земель, чем кто-либо из его предшественников, сжигая города до основания, иногда – ненамеренно, если вакханалии выходили из-под контроля. Так или иначе, он привнес цивилизацию в мир и, конечно, способствовал распространению бодуна за его территориальные рамки, хотя далеко не всем нравились эти усилия. Демосфен говорил о его пьянстве так: «Хорошее качество для губки, но не для правителя». И, возможно, он был прав. Именно пристрастие к бутылке погубило не побежденного в бою Александра Македонского, хотя то, что произошло, остается предметом споров – то ли его тело не выдержало излишеств, то ли он умер от шока, отказавшись от алкоголя так же, как он делал все остальное: немедленно и наотрез.

Но, конечно, Александр и его войска – не единственные воины, прорубившие себе путь в учебники истории пьянством и сражениями. Со времен Гомера, чья «Илиада» и «Одиссея» полны описаний пьяных солдат, историки поняли, как важен алкоголь, чтобы выстоять в кровопролитном бою. Скандинавская мифология в значительной мере опирается на военный успех берсерков: воинов яростных, бесстрашных, накаченных божественным пойлом. И не только люди так шли на бой. Марко Поло, который выпивал в разных концах света, отмечал, что в Занзибаре воины дают слонам перед боем ведро рисового вина, чтобы «поднять их боевой дух».

Во время Гражданской войны в Америке, когда Улисс С. Грант подвергся резкой критике за злоупотребление алкоголем, президент Авраам Линкольн пообещал выделить больше выпивки каждому генералу, который «еще ни разу не одержал победы».

Конечно, не все пьяные воины отличались в бою. В «Беовульфе» те, кто решил сразиться с таинственным чудовищем Гренделем, были убиты в чертоге Хеороте, пока спали мертвым сном после того, как выпили медовухи для храбрости. Барбара Холланд сравнивает эту западную историю с историей о похмельных гессенских наемниках, побежденных Джорджем Вашингтоном, и об англосаксах, слишком долго пивших перед битвой при Гастингсе, и поэтому проигравших Англию более дисциплинированным норманнам, которые, по словам Холланд, были «трезвыми или по меньшей мере не такими пьяными».

В ходе Первой мировой войны наемный солдат, а де-факто журналист Фрэнк Перси Крозье в деталях передал кошмар, творившийся на поле боя, и наброски того, что происходило в стороне: «Я видел полковника, сидевшего у связного окопа, который лично выдавал несанкционированный ром солдатам, проходившим мимо него шеренгой в три часа пополудни этим повесеннему погожим днем, чтобы в первый раз держать оборону... Страдая от бренди, он думал,

---

¹⁸ Имеется в виду миф об индийском походе Диониса. Когда в 327 году до н. э. Александр Македонский отправился в собственный индийский поход, он принял один из завоеванных городов за творение самого Диониса и устроил там празднества в его честь.

что все остальные чувствуют то же, что и он, – уныние и отчаяние. Унылого и всегда такого дифисиль...¹⁹ алкоголика отправили в Англию, где его состояние ухудшилось, и в конечном счете он умер. Безопасность границы перевесила все остальное. Контроль за злоупотреблением алкоголем стал исключительно важным».

Хотя в те времена еще не было понятия «похмелье» (hangover), конечно, не было никаких оснований, чтобы разбрасываться словечками вроде «дифисиль». Но благодаря промышленной революции массовое представление о том, как связано пьянство с продуктивностью и безопасностью, стало меняться – как и бывшая незыблемость алкоголя в британской армии. Как объявил премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж, империя воюет «с немцами, австрияками и выпивкой, и насколько мне видится, самый сильный наш противник – это выпивка».

Тем временем русские, казалось, могли одержать победу в бою, даже когда не держались на ногах, и иногда только благодаря этому. В обеих мировых войнах многие дотошно выверенные наступления Германии были отбиты непредсказуемыми и похмельными советскими войсками – те могли потеряться, заснуть или просто опоздать на позиции. Несмотря на эти случайные успехи, Кремль постепенно обеспокоился пьянством, и КГБ разработало средство против пьянства оперативников. В действительности оно помогало не от опьянения, а от похмелья... по крайней мере, так говорится в рекламе RU-21 – первого массового средства от похмелья, которое появилось после холодной войны и добилось успеха, по крайней мере на американском рынке.

В своих захватывающих мемуарах «Зеленые береты сорвались с цепи» Расселл Манн пишет, как служил врачом во Вьетнаме. Важную часть его работы составлял уход за сержантом: «Он любил, чтобы рядом был врач, вроде как на случай, если его ранят, но на самом деле я помогал ему справляться с похмельем... В миру он слыл пьяницей, ловеласом – не самым приятным человеком; но на поле боя он был великолепен».

Призывные пункты тоже повидали немало случаев похмелья – в том числе тех, что приключались со столь разными героями, как Томми Фрэнкс и Брюс Спрингстин. По воспоминаниям генерала Фрэнкса, в 1965 году – будучи отчислен из колледжа, в отчаянной депрессии, в бездне запоя – он решил поступить на военную службу, чтобы получить «встряску» и выйти из «съедавшего душу похмелья». Фрэнксу суждено было стать одним из самых прославленных американских солдат, а впоследствии руководить наступлением на Талибан²⁰ в Афганистане и вторжением в Ирак в 2003 году.

У Брюса Спрингстина был обратный случай, о чем он годами рассказывал со сцены перед исполнением песни «The River». Это история о том, как он вырос в Америке 1960-х, в постоянном страхе, что его призовут на войну, а из Вьетнама возвращались одни гробы и молодые инвалиды. Это история вражды в доме, где прошло детство Спрингстина: его отец во время ссор постоянно желал сыну попасть в армию – чтобы они сбрили ему патлы и сделали из него настоящего мужчину.

Когда повестка все-таки пришла, Спрингстин с друзьями уехал из дома. Они не просыпали три дня, пока не пришло время сесть в автобус и отправиться на призывной пункт.

Когда Спрингстин рассказывает эту историю, его голос дрожит на слове «страх». Он не говорит слова «похмелье» – только что явился, прошел осмотр... и его не взяли.

Слушатели аплодируют, хотя Спрингстин бормочет, что радоваться тут нечему.

Потом он вспоминает, как через три дня он вернулся домой и его отец сидел на кухне, залитой солнечным светом. Он рассказывает отцу, что его не взяли на военную службу. После долгой паузы отец нарушает молчание.

– Это хорошо, – говорит он.

¹⁹ Difficile (*фр.*) – привередливый, капризный.

²⁰ Международная террористическая организация, запрещена в России.

А потом Брюс Спрингстин, теперь уже взрослый мужчина, выдает на сцене самое горькое соло на губной гармошке, которое вы когда-либо слышали. Звучит, как труба над маковыми полями; маленькая частичка имперской души болит и жаждет искупления, но бóльшая ее часть насквозь пропиталась алкоголем и кровью.

Часть вторая

Что происходит над Вегасом

В которой наш герой поднимается в воздух на истребителе, прыгает с крыши здания и продолжает пить. В эпизодах – Чак Йегер, капитан Хэддок и доктор Джейсон Бёрк.

Если пить вполсилы, то недопохмелье испортит не только следующее утро, но и предыдущий вечер.

Клемент Фрейд

Я истекаю потом в самолетном ангаре в невадской пустыне; рядом с забитым под завязку баром стоят бильярдные столы и бипланы. Музыкальный автомат предлагает Кенни Логгинса и братьев Эверли – все это часть программы Top Gun в Школе боевых асов.

Пилот Ричард Коул по прозвищу «Техасец» рассказывает, что мы будем делать. Он толкует о хаммерхедах²¹ и отвлекающих маневрах, о том, как лучше пристроиться противнику в хвост: «На самых быстрых в мире американских горках вы испытываете ускорение в три с половиной же. Но эта малышка потянет на десяточку!»

Все это не вызывает во мне никакого энтузиазма: ни ухарский инструктаж, ни эта псевдомачистская болтовня, ни воздушные бои, как настоящие, так и мнимые, ни аэробатика, ни ускорение, ни «бочки» на высоте двух тысяч метров над высохшим ложем озера. Не говоря уже о хаммерхедах. Я ведь даже американские горки не жалую.

Ради укрепления командного духа нам предлагают дать друг другу позывные – скажем, Ледоруб или Гусь. Для этого надо снять с доски на стене соответствующую табличку. Калифорнийский фрилансер берет «Токсин» и радостно вручает его мне.

Сегодня пробуждение далось мне тяжелее, чем вчера, что, по Кингсли Эмису, очень хороший знак. Больше того, самый первый из его одиннадцати шагов по преодолению «физического похмелья» гласит: «Сразу по пробуждении начинайте повторять, как вам свезло чувствовать себя так паршиво. Здесь скрыта важная истина: если после столь тяжелой ночи вы чувствуете

---

²¹ Фигура высшего пилотажа, в которой самолет свечой уходит вверх, зависает в воздухе и, развернув нос к земле, резко падает вниз.

себя сносно, значит, вы все еще пьяны и трезветь придется на ногах, а похмелье настигнет вас позже».

Так что мне, видимо, повезло. Но повезло бы гораздо больше, подумай я об этом вчера – до капельниц, гоночных болидов, лимузинов, обеда, до шеренги маргарит и стрельбы из автомата. А теперь у меня отходняк второго дня. Ту же ошибку мы совершаем, пытаюсь вернуть спортивную форму: утро после зала может быть еще ничего, а вот на следующий день больно даже с постели вставать, не то что летать на истребителе.

Утром, когда я полез на сайт уточнить детали, я прочел следующее: «Самая распространенная причина воздушной болезни во время полетов в Школе боевых асов – это похмелье. Мы понимаем, что Лас-Вегас создан для веселья, но накануне приключения в Школе боевых асов постарайтесь лечь пораньше!»

Восклицательный знак после слов «лечь пораньше» ставить совсем не обязательно, но в целом совет разумный. Я так и поступил: пораньше отправился на боковую по их рекомендации и проснулся в отвратительном состоянии по совету маэстро Кингсли. Но теперь я торчу в ангаре посреди пустыни – здесь адское пекло, во рту у меня пересохло, и в поединке с физическим похмельем я, кажется, пропустил важный шаг.

Вслед за перечислением одиннадцати предписаний Эмис предлагает два средства, которые могут помочь от похмелья теоретически, однако «проверить их на практике не так-то просто»; во всяком случае ему не доводилось. Первое – это спуститься в шахту, о чем, по-моему, даже подумать страшно. А второе: «Подняться на полчаса в небо в аэроплане с открытой кабиной (разумеется, за штурвалом должен быть тот, у кого нет похмелья)».

Именно это и предлагается в брошюре Школы боевых асов: 45-минутный полет над плотинной Гувера в классическом биплане с открытым кокпитом, где позади тебя сидит опытный пилот и управляет самолетом. Что ж, звучит неплохо, к тому же это отличная возможность испытать одно из не проверенных Кингсли Эмисом средств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.